

Я сел на скамейку возле подъемника, ведущего вниз в Святилище. В этом мире, в это время, прошло чуть больше двух недель. Но мне казалось, что это длилось вечность. Гораздо дольше, чем все те месяцы, проведенные в небытие.

Всё стало ясно.

Боги.

Как давно я не мог так сказать?

Оставалось несколько нестыковок, несколько вещей, которые не совсем сочетались, но чувствовалось такое ошутимое облегчение от мысли, что конец пути уже виден, у меня не было сил размышлять над ними.

Я протянул руку в сторону пропасти, пальцы потянулись в темноту.

Моя подруга. Первый настоящий друг, которого я обрел за столь долгое время. Она была там, внизу. Наконец-то время снова начнет двигаться вперед, и я наконец-то, наконец-то смогу увидеть ее.

Майя.

Я не винил ее за то, что она рассказала о видениях кому не следовало. Во многом то, что это вообще стало раскрыто, могло спасти мне жизнь, и не только мне. Тот факт, что враг знал о моих способностях, скорее всего, создал им массу проблем с организацией, попытки избавиться от меня значительно всё усложнили и запутали, заставили их полностью скрыться из общей картины.

Грудь сжалась, и я заставил себя вздохнуть. Все было почти кончено. Я просто должен был продержаться еще немного. Какое-то воспоминание кольнуло сознание, спина и руки неприятно вспыхнули, стало жарко и ощущался зуд.

Я достал из нагрудного кармана аквамариновую сферу памяти и сфокусировал в ней ману, ощутив тупое засасывание на лбу, когда память была скопирована. Я последовал совету Эрдоса. Просмотр наиболее травмирующих воспоминаний без их повторного переживания помог мне побороть эти вспышки.

Я увидел Озру, бдительно следящего за мной на заднем плане, когда теневой демон прижимал к моей щеке обжигающее клеймо. Звука не было, только образы.

Все было не так уж плохо, говорил я себе. Всего лишь пара ожогов. Они причинили гораздо, гораздо больше вреда, прежде чем этот кошмар закончился. Затем я обнаружил, что мои мысли переключились на те худшие вещи, и закрыл глаза, пытаясь предотвратить падение по

нисходящей спирали, к которому это могло привести.

Тебе повезло. Я повторял это про себя снова и снова. Тебе повезло.

Я не позволю тому, что случилось со мной, изменить мою сущность.

Мой кулак, державший сферу памяти, с громким лязгом ударился о металлическую скамью. Проходящие мимо повернулись, чтобы посмотреть в мою сторону, затем поспешили дальше.

Я был уже близко. Так близко.

Не было смысла лгать себе. Все должно было стать еще хуже, прежде чем станет лучше. Но если я все сделаю идеально, идеально рассчитаю время, то скоро все закончится, если не в этот раз, то через еще одну перезагрузку.

Всего лишь еще одну.

Вытерев внезапно появившуюся влагу, застилавшую мой взгляд, я встал. Скоро будет время для отдыха.

Я пошел домой. Ралакос выставил дополнительную охрану, и я удивился, увидев небольшую группу зеленых Гемона. Должно быть, Ралакос поговорил с ним. Я обнял Кильвиуса и Неттари. Думаю, они почувствовали облегчение. Судя по тому, как я вел себя в последнее время, я, наверное, выглядел совершенно другим человеком.

Впервые за два месяца я вызвался уложить Агарина спать и рассказал ему сказку. Он хихикал и ворковал, когда фея ловко перехитрила сэра Гентри, и на этот раз он не заснул до самого конца.

На следующее утро я отправил к Эфире гонца с официальным обращением, в котором изложил неотложные дела. Подобного я не делал с тех пор, как мы заключили первую сделку в первые дни снятия блокады.

Я с удовольствием сравнил ту встречу, на которой было много печенья и чая, с довольно тревожной встречей во время предыдущего перезапуска. Эта женщина знала, как обращаться со своими друзьями и врагами, и я был одним из немногих, кому не повезло увидеть обе стороны.

Я почти беззаботно гадал, какую версию Эфиры встречу на этот раз.

Обращение оставалось без внимания в течение нескольких дней. Я провел их, отдыхая и изучая магию. Моя левая рука была в основном забинтована и неподвижна, так что я еще не

столкнулся с реальностью потери. В эти дни было спокойствие, свойственное моему прошлому времени в Анклаве, времени, которое я почти забыл.

Я более подробно изучал асמודиалов, узнавая как можно больше об иерархии и культуре.

Архидемоны того или иного легиона вели между собой ожесточенную территориальную борьбу. Но изредка появлялся лидер, способный объединить враждующих предводителей для достижения великой цели. Это почти всегда предшествовало крупному восстанию, не похожему на то, что бушевало в Анклаве.

Это подтверждало, на мой взгляд, что дело серьезное. Не удивлюсь, если какая-то версия этого произошла в моей первой жизни. Само насилие готовилось давно. Кто-то просто использовал его в своих корыстных целях.

Я взял Джорру с собой, чтобы собрать оставшиеся шляпки гарроты, и отдал ему половину прибыли. Когда Казикас назвал окончательную сумму, у него глаза на лоб полезли, он засунул кошелек поглубже в рюкзак и помчался домой.

Потребовалось много экспериментов и много средств, но в итоге я добился желаемого. Очень специфическая, очень оружейная версия проклятия магов. С некоторыми усилиями и корректировками мне удалось превратить его в концентрированный порошок, что сделало его вкус гораздо более неуловимым.

Я не мог действовать слишком рано. Это было очень важно.

Я получил приглашение на встречу с Эфирой в маленьком ресторанчике, которым она владела в центре города. Похоже, мне досталась чаепитие Эфиры, а не её игры разумов. Это было хорошо. Каким бы вкусным ни было сдео, у меня не было намерения есть его снова в ближайшее время.

Она выбрала отдельную комнату на изолированном верхнем уровне ресторана, вдали от посторонних глаз. Одиноким стражник стоял у входа в комнату и открыл дверь, чтобы впустить меня. Я кивнул ему в знак благодарности.

Эфира была одета в светлые пастельные тона. Она встала и сделала реверанс, когда я вошел в комнату, и я неловко поклонился в ответ. Контраст был... разительным.

— Кэрн, я была рада получить от вас весточку. — она посмотрела на мою перевязанную рану.
— Напротив, вести о вашем несчастье радости не доставили.

Я слабо улыбнулся. — Все в порядке, советник, у меня есть еще восемь.

— Совершенно верно, совершенно верно. Знаете, алебастровые эльфы Налорских тундр приучали своих детей к обморожению, подвергая их ему в раннем возрасте. Нередко они

теряли при этом пальцы... — Эфира налила нам чай и некоторое время болтала в той слишком оживленной манере, которую используют светские львицы, чтобы напомнить всем остальным, какие они живые и интересные.

— Попробуйте чай. Он просто бесподобен.

Она была совершенно открыта и непринужденна.

Сам того не зная, Эрдос сыграл свою роль очень хорошо.

Это был такой огромный, ужасающий шаг.

Я открыл рот и произнес.

— Знаете, в прошлый раз, когда я пережил это, вы не были так дружелюбны. Я осмелюсь сказать, что вы были почти враждебны.

Эфира застыла на месте, и ее глаза остекленели.

— Это действительно сбило меня с толку. Я полностью запутался. — Медленно, я открыл сверток в кармане и потянулся к воздуху, вызывая дуновение ветерка, чтобы доставить магическое проклятие к ее чаю во вращающейся воронке. Я хотел действовать как можно медленнее, чтобы не вывести ее из оцепенения, и процесс шел медленно.

— Дольше всего я не знал, что и думать. Гемон был очевидным вариантом. Он ненавидел меня. Он выступал за то, чтобы меня убили. Но изоляция, вызванная отравлением, заставила рассмотреть другие возможности. Потом вы навели меня на Ралакоса. Мертвый сын послужил Гемону веским мотивом, а тот факт, что почти все, кто протягивает мне руку, обычно держат кинжал в другой, не очень-то способствовал этому варианту. — Я тщательно размешал чай, добавил несколько ложечек сахара, чтобы замаскировать приглушенный привкус. — Но в конце концов, это тоже не имело смысла. Ралакосу было бы проще простого убить меня — я часто оставался с ним наедине — или, если бы он хотел отстраниться, заставить Эрдоса убить меня при любой возможности, либо через несчастный случай на тренировке, либо через какую-нибудь другую ерунду.

Я обдумал это.

— А тут Персефона. Боги, если вы хотите знать настоящего героя этой истории, то это не я. Это маленькая девочка, которая направила меня к Персефоне. Кто знает, сколько времени я бы бродил в поисках разгадки, пока не отыскал Персефону самостоятельно.

Я прищурился, пытаюсь вспомнить ее лицо. Она казалась такой невероятно знакомой, но я все еще не мог вспомнить ее. Несколько раз, когда я был рядом с Тулианским районом, я

высматривал ее, но никогда больше не замечал.

— Персефона указала мне на Мифрал. Персефона кажется умной. Рациональной. Так почему она посылает кого-то, с кем только что познакомилась, украсть бесценный артефакт? Чтобы заставить вас потерять лицо, или, по крайней мере, так показалось. Не говоря уже о вратах, пробитых демоническим огнем. Значит, у Персефоны есть доступ к демоническому пламени, или, по крайней мере, способ его имитировать. Это огромная сила. Сокрушающая мир. Это изменит все, как только кто-то обнаружит это... только никто не обнаружит. Странно, что об этом ничего не всплыло. Потому что кто-то скрыл это.

Но это легко объясняется тем, что вы мне помешали. Это все равно было вероятно. У нас было соглашение, и вы схватили Ширу.

Но потом события на руднике. Я был слишком сосредоточен на Ралакосе, чтобы заметить это, но Персефона была не в своей тарелке. Действительно не в своей тарелке. Имею в виду, что при первой встрече я устроил Персефоне представление, заслуживающее награды, а она чуть не обличила меня прямо тогда же.

Кто-то настолько проникательный, настолько умный — кто-то достаточно проникательный, чтобы уловить малейшее изменение акцента, вдруг так легко теряет самообладание, когда сталкивается с посторонним вмешательством во время переговоров?

Я не верю в это.

Она практически загнала Мифрал в ваши объятия. Только вот появился Ралакос и все усложнил. Потом демоны убили вас, Персефону и Мифрал. И они схватили Ралакоса.

Боги, это было очень непросто.

Если бы Ралакос не узнал меня, не поднял руку, все могло бы пойти совсем по-другому.

Но он узнал.

Это поставило меня в тупик.

Я прокручивал эту сцену десятки раз. Персефона, разорванная на куски. Мифрал, разрубленная пополам. Ралакос в плену, а вы... ваше горло перерезали. По сравнению с тем, как убивают ас модиалы, чему я был свидетелем десятки раз, ваша смерть была почти... цивилизованной.

Вам перерезали горло. Кровь должна была быть ярко-красной, артериальной, а не тёмной.

Ничто не выходило за рамки смутных подозрений, пока я не подтвердил недостающий

фрагмент с Неттари: Майя. Майя приходила к вам, чтобы умолять о помощи в спасении моей жизни, хотя я до сих пор не знаю деталей того разговора, и, понимая это, все встало на свои места. По-моему, она рассказала вам тогда. Майя сказала вам, что у меня были видения, что я могу видеть будущее. Что меня стоит спасти.

И это все изменило.

Вы должны были быть осторожны, Эфира. Вы должны были убедиться, что мое убийство не может быть связано с вами даже из могилы. На самом деле, вам пришлось из кожи вон лезть, чтобы ввести меня в заблуждение, заставить меня ходить по кругу, гоняться за пустышками, пока не закончится время. Сначала Гемон, потом Ралакос, потом Персефона.

Боги, вы действительно предусмотрели все возможные варианты.

Но вы совершили ошибку. Вы не смогли контролировать Гемона, и он слишком сильно надавил на суде. Это насторожило Ралакоса, который с того дня приставил ко мне людей для защиты. Я подозреваю, что без этого промаха меня было бы гораздо легче убить раньше. Думаю, именно поэтому вы заставили Эрдоса отравить его. За прошедшее время я провел небольшое исследование. Это чрезвычайно сложно — отравить кого-то с помощью гарроты. Малейший просчет в дозе, и вместо этого получаешь разрушитель органов. Вы не хотели смерти Гемона. Вы хотели, чтобы он был зол и напуган мной, загнан в угол и удобно устроен.

Вы были готовы ко всему, кроме элементарной порядочности. Эрдос должен был позаботиться о моей смерти во время засады. Но я спас его людей, попавших под лед, после того, как вы послали их на смерть. После этого и осознания того, что вы их всех подставили, Эрдос решил спасти меня.

И Персефона. Не знаю всей подлой истории между вами двумя, но мне достаточно увиденного на руднике, чтобы понять, что ненависть Персефоны к вам — не притворство. Я знал, что у вас должно быть что-то на Персефону, чтобы использовать ее для связи с асμοдиалами и заставить Мифрал отдать скипетр вовремя, чтобы использовать его для атаки.

Мое предположение? Вы угрожали разоблачить ее сына.

Я не уверен, почему она хотела спрятать его, но она это сделала. И как только он оказался под угрозой, она сдалась. Закоренелая герцогиня преступного мира, сломленная любовью к своему ребенку. Затем она рассказала историю, которую я просил ее рассказать:

Историю, в которую вы так отчаянно пытались заставить меня поверить.

Историю о том, как Ралакос предал меня.

Эрдос слушал, как я и ожидал. Потом шпионы Ралакоса подтвердили, что он рассказал эту

историю прямо вам той же ночью.

И это привело нас сюда. Вы принимаете меня на нейтральной территории с распростертыми объятиями, в одиночестве и практически без охраны. И я знаю почти все. Остается только один вопрос — зачем?

Я остановился, чувствуя усталость, почти головокружение. Глаза Эфиры разлепились, и она уставилась на меня в мгновенном замешательстве.

— Простите, я потеряла ход мыслей, — сказала Эфира.

— Вы рассказывали мне о чае, — сказал я.

— Ах, да. — Она поднесла его к губам и сделала длинный глоток.

Я отпил из своего. Никаких иллюзий не было. Это еще не было концом. Возможно, было уже слишком поздно, чтобы остановить атаку. Но я научился радоваться маленьким победам, мелочам.

А когда люди Ралакоса вбежали, прижали ее к столу и надели на нее кандалы; когда она боролась, кричала, пыталась колдовать, но ничего не выходило, я улыбался.

Чай получился замечательным.

<http://tl.rulate.ru/book/77890/2513115>